

правления мысли античного мира не могли остановить его падения.

Переход от древнего мира к средневековью раскрывается Грановским в сложной связи культурного упадка и духовного обновления, сохранения «накопленных благ»⁹⁴ и введения свежих идей. В соответствующих разделах его курса много тонких наблюдений. Феодализм нередко ассоциируется у Грановского с личностью феодала, который, особенно в период раннего средневековья, определяется «в чрезвычайно грубых, жестких и резких формах». Лицо феодального владельца — лицо, «презирающее все, что вокруг него... не признающее никакого другого права, кроме своего» (с. 253).

Грановский, однако, не останавливается на этой негативной оценке. Его внимание привлекают изменения — все то, что в средневековой культуре было направлено на обуздание социального своеобразия феодала. И это не могло, по мнению ученого, не совпадать с прогрессом. Рыцарская литература, поэзия трубадуров и труверов, культ жепщины, любовная лирика средневековья — явления, в своей совокупности смягчавшие нравы и облагораживающие человеческие отношения. В обзорах средневековой культуры привлекают внимание не только отмеченные лектором факты активного воздействия культуры и науки на общество⁹⁵, но и влияние последнего на развитие духовной жизни. Стремясь выделить различные направления в культурном развитии средневековья (народные фольклорные традиции, городская или феодально-рыцарская культура), он показывает, как отражаются социальные изменения в развитии духовной жизни средневекового общества. С особенной тщательностью выделяет Грановский то, что внутри культуры того времени таило в себе зачатки, противостоящие феодализму: исходят ли они от города, проявляясь в «зрелом практическом смысле», отличающемся городской литературе, в рождающихся здесь «маленьких сказках», которые ядовито высмеивают рыцарей и монахов; исходят ли эти зародыши нового из самой толщи народа, проникая из фольклора в литературное творчество. Так, в героическом эпосе он находит «ученую переделку» более коротких народных песен. И, конечно же, с любовью доносит он до своих слушателей смысл и звуки сохранившихся памятников — английских баллад, скандинавских саг, песен басков. Не забывает он и о развитии сатиры, питавшейся народными истоками и вносившей в культуру как на-

шет: «Пользуемся случаем напомнить нашим читателям блестящую и верную характеристику стоицизма, помещенную в „Письмах об изучении природы“ г. Пискалдера» (ср.: *Герцен А. И.* Указ. соч. М., 1955, т. 3, с. 192—193, 208). И в своих лекциях Грановский опирается на материалы книги Герцена, когда характеризует философию позднего Рима (ср.: ОИИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 20, л. 16—17 об.).

⁹⁴ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 159—161.

⁹⁵ Грановский не раз отмечал, что наука и литература средневековья оказывают огромное влияние на развитие общественной жизни (Лекции, 1961, с. 93).